

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ СЕБЯ: ТЩЕСЛАВИЕ И ГОРДОСТЬ, ПОРОЖДАЮЩИЕ ЗАВИСТЬ И НЕНАВИСТЬ К БЛИЖНЕМУ

Аннотация. Анализируется тщеславие и гордость, порождающие многочисленные негативные личностные образования. Показано, что тщеславие имеет множество обличий, ибо человеку свойственно тщеславиться любыми своими качествами. Склонность к признанию и зависть – порок культуры, если человек тщеславится и ненавидит. Тщеславие и гордость рассматриваются как вариант аддиктивного поведения. Зависимость страстей тщеславия и гордости неизбежно приводит человека к личностной дезорганизации, к деструктивному поведению и к деструктивизации его нравственных ценностных ориентаций.

Ключевые слова: тщеславие, гордость, страсти, прилоги, помыслы, себялюбие и зависть, злорадование, вандализм, личность, аддиктивное поведение, порок культуры и каждого отдельного человека.

Abstract. Alienation from yourself: vanity and pride that generate envy and hatred towards your fellow-Christian. Vanity and pride are considered to increase negative personality qualities. Vanity is shown to have a lot of guises for a conceited human nature. Avocation and envy are recognized as vice culture, especially for an envious or hateful person. Vanity and pride are considered as a variant of addictive behavior. The dependence of vanity and pride inevitably leads to personal disorganization, destructive behavior and destructivization of the moral value orientation.

Keywords: vanity, pride, passion, thoughts, selfishness and envy, malevolence, vandalism, personality, addictive behavior, vice of culture and immoral behavior of every individual.

И вознеслось сердце твое до тщеславия

2 Пер. 25:19

По гордости своей нечестивый преследует бедного

Пс. 9:23

Гордость человека уничтожает его

Пр. 29:23

Тщеславие –
свойство человека,
сопряженное
с гордостью

Тщеславие – седьмая, гордость – восьмая страсти человека.

Тщеславие – стремление к почестям и почитанию, некое свойство человека, сопряженное с гордостью, надменностью, кичением, суетностью и отчуждением от других. Тщеславие может быть сокрыто от сторонних, если человек достаточно умен и обладает достаточной рефлексией. Однако для человека важно не сокрыть свое тщеславие, а по возможности утишить его.

Человеку
свойственно
тщеславиться
любыми своими
качествами

Тщеславие многообразно. Оно покушается уязвить человека и одеждой, и статной походкой, и тембром голоса, и достижениями в работе, и уединением, и чтением, и познанием, и включенностью в мышление и творчество, и молчаливостью, и повиновением, и благодушием, и приветливостью... Тщеславие может поразить любые свойства или личностные особенности, присущие человеку, ибо *человеку свойственно тщеславиться любыми своими качествами*. Таковы мы, люди.

У греческих мыслителей Платона и Аристотеля мы не нашли суждений о тщеславии. Однако православие уповает на борьбу с этими страстями.

Среди искушений
человеку сложно
не уклониться
в сторону тщеславия

Человеку сложно ровно проходить славою и бесчестьем: «в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах» [2-е Кор. 6:8]. Среди вздымающихся волн искушений человеку сложно не уклониться вправо или влево, в сторону добродетели или в сторону тщеславия.

Премудрый царь Соломон увещевал: «Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум... Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла» [Притч. 4:7, 26–27].

Соломон предупреждал: не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами не превозносись.

Тщеславие тревожит
тщетной славою

Св. Иоанн Кассиан также предупреждал: «Диавол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неу-

клюжею, неопратною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничанием в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братий; но начав упражняться не избегает он трубления перед собою» [1, с. 80]. Тщеславиться можно чем угодно. Человек может превозносить себя за голос, что приятнее других поет, или за то, что он тощ плотью, или красив телом, или что имеет богатых и благородных родителей, или что пренебрег военной службой и почестями. Иной тщеславно помышляет о том, что если б остался он там-то, в такое-то время, то легко стяжал бы почести и богатство. Хотя реально он никогда и не мог бы их достигнуть. Человек может тщеславиться тем, что оставил то, чем никогда не владел... Этого не было, но человек тщеславится, как будто это могло быть.

Человек может тщеславиться даже своими недостатками

Мы знаем наши человеческие слабости в лицо: человек может тщеславиться даже своими недостатками – нездоровьем, ленью, агрессивностью и отчужденностью.

Человек может тщеславиться своими страстями к чревоугодию, сребролюбию, своей гневливостью, своими печальями и унынием. Человек может тщеславиться своим тщеславием и своей гордостью.

Тщеславие человека – его сущностная страсть

Тщеславие человека – его сущностная страсть. Тщеславие маскируется под добродетели и утверждает себя через свои пороки.

Какие тонкие, какие сложные рефлексии! Экзистенциальные философы-психологи по сравнению с Отцами Церкви и их греческим «Добротолюбием» – малые дети.

Тщеславие преследует даже того, кто убегает от славы

Св. Иоанн Кассиан писал о том, что тщеславие преследует даже того, кто, убегая от славы, укрывается в пустыне от всякого общения со смертными. Святой Отец предупреждал, что чем дальше человек убегает от мира, тем ожесточеннее этот мир нападает на человека. Живущий в обители монах может быть ввергнут в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другой превозносится тем, что он паче всех скор на послушание; иной превозносится тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается по причине обширности познаний, иной – по причине долгого сидения за чтени-

Потребность
в признании скоро
на тщеславие

ем, иной – длительностью бдений. И всякого эта болезнь уязвляет собственными добродетелями.

Человек живет среди людей и он жаждет признания. Быть признанным – социальная потребность человека. Эта потребность скоро на тщеславие.

Давид взывал к Господу: «Смотрю... и вижу, что никто не признает меня...» [Пс. 141:4].

Человек постоянно платит страданием и ущемлением своего тщеславия оттого, что его притязание на признание, являясь его феноменологической сущностью, постоянно покушается не только на его «царственное» сознание, но и на бессознательную сферу. Каждый смертный знает и каждый переживал это чувство Давида: «Смотрю и вижу, что никто не признает меня!» Потребность в признании может постоянно терзать человека.

Тщеславие – страсть,
которая ожесточенно
восстает на брань

Бедный, бедный человек! Легко ли тебе, стремясь к признанию со стороны других человеков, стремясь к почестям, к превознесению за свои успехи, не запутаться в сети тщеславия и не пасть?

Святые Отцы увещевали: бойтесь тщеславия.

Св. Иоанн Кассиан взывал: «Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени, истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелям, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта – будучи поражена, большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испутившею дух, через смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною» [1, с. 81]. Тщеславие, согласно видению Святого Отца, победителей своих еще ожесточеннее теснит, еще чрезмернее борется помыслом возношения по случаю победы над собой. «В том особенно и видится тонкая хитрость врага (*тщеславия*), что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того, как сам он не мог его победить» [1, с. 81–82].

Тщеславие
вездесуще

Тщеславие вездесуще, оно проникает за человеком повсюду, даже в пустыню, и никакой местности не боится; тщеславие не изнемогает и от удаления с глаз предмета. Тщеславие – страсть, которая подчерпывает мужество из успехов в добродетели.

Тщеславие прорастает в долговременности, и это ему не только не вредит, но еще более помогает собирать пищу для его суетности. Суетное славолубие разрушает душу человека и низводит ее в Тартар.

Счастливые успехи
бывают пагубны
при тщеславии

Св. Иоанн Кассиан предупреждал: «...Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения» [1, с. 83]. Человек перестает тогда внимать голосу разума, перестает блюсти себя от тщеславия и превозношения. Тогда грозит ему сокрушение в трудных обстоятельствах и поражение от ожесточения.

Апостол Павел увещевал: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать» [Гал. 5:26].

Тщеславие –
зло для человека

В книгах Ветхого Завета мы находим предупреждения о возможности побуждений тщеславия: «Ты говоришь: “вот, я побил Идумеян”, – и вознеслось сердце твое до тщеславия» [2 Пар. 25:19]; «От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою» [Иез. 28:17].

В книгах Нового Завета мы находим предупреждение об опасности тщеславия: «Вы, по своей надменности, тщеславьтесь: всякое такое тщеславие есть зло» [Иак. 4:16]; «Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого...» [Флп. 2:3].

Тщеславие завистливо. Тщеславный готов не возлюбить ближнего, возненавидеть его за преимущество – хоть за большое, хоть за малое.

Обольщенный духом тщеславия человек может вознестись в своих мечтаниях в заоблачные дали и там в своем воображении живописать прелестные картины своих достижений, своих чудесных призрачных фантазмогорий, своих удивительных невиданных побед.

Человеку сложно
отклониться
от желания
тщеславия

Болезнь тщеславия может легко опустошить плод всех трудов наших. Как же сложно человеку отклоняться от желания похвастать и погордиться!

Из первых веков христианства пришли в наше время идеи святой простоты и превозмогания какого-либо проявления тщеславия. Вот одна из удивительных историй Сисоя Великого.

«Некоторый мирянин шел с сыном своим к авве Сисою в гору аввы Антония. На пути сын умер. Отец не смутился, но с верою отнес его к авве и припал к ногам его вместе с сыном, как бы кланяясь ему, чтоб почтить благословение. Потом отец встал и, оставив отрока при ногах аввы, вышел из кельи. Старец, полагая, что отрок продолжает поклонение и не зная, что он умер, сказал ему: встань и поди отсюда. Отрок немедленно встал и

вышел вон. Отец, увидев его, удивился; вошедши в келью, он поклонился авве до земли и сказал ему о случившемся. Старец, услышав это, опечалился, потому что не хотел совершать знамений, а ученик его запретил мирянину сказывать кому-либо о совершившемся чуде до смерти старца» [2, с. 325]. Безусловно, Сисой Великий избегал тщеславия...

Святые стремились избегать тщеславия

Сисой Великий избегал тщеславия. То, к чему он шел, охранялось его безмолвием и уклонением от знамений. А как же отрок? Сисой, Великий Сисой мог бы и не возродить отрока к жизни ради собственной чистоты, ради пресечения возможного тщеславия?

Тщеславие устрашает чистую душу.

Тщеславие отчуждает человека от других и от самого себя. Но возможное преодоление собственного тщеславия могло помешать возрождению отрока... Даже православные Отцы порой ставят себя в тупик, когда, стремясь сохранить чистоту души в борении с возможным тщеславием, они могут впасть в иное искушение.

Дерзание – стремление к высоким достижениям, но и оно может обернуться тщеславием

Тщеславие тщеславию рознь.

Преодоление возможного тщеславия может помешать таланту реализовать себя...

Неуверенным, больным, расслабленным всегда оказывается поддержка. Иисус приободрил однажды расслабленного: «Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои» [Мф. 9:2]. В другой раз Иисус сказал женщине, которая прикоснулась к краю его одежды с верой на исцеление: «Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя!» [Мф. 9:22].

Дерзание, дерзновение – смелое, отважное стремление к чему-либо благородному, высокому, новому.

Дерзание связано с верой в достижение, с готовностью к труду для достижения благородной цели. Но дерзание может обернуться и тщеславием.

До чего же сложен человек... Вот уж изощренное созданье божье!

И все-таки: *не тщеславься, но дерзай!* Отважься на доброе, победи и не поддайся тщеславию.

Тщеславие неразрывно соединено с гордостью.

Понятие «гордость» амбивалентно

Гордость – слово, имеющее в современном русском языке амбивалентные значения. Во-первых, это слово означает чувство собственного достоинства, самоуважения. Во-вторых, это слово означает удовлетворение от сознания достигнутого успеха. В-третьих, это слово означает высокое мнение о себе и пренебрежение к другим, высокомерие.

Гордость – понятие, прежде всего, нарицательное

Вл. Даль более ста лет тому назад писал о слове «гордыня», «гордый» лишь в нарицательном значении: надменный, высокомерный, спесивый, зазнающийся, ставящий себя выше других.

Здесь мы будем рассматривать гордость в негативном значении.

Гордость – некое свойство, качество: надменность, высокомерие, кичливость, надутость, спесивость, зазнайство. Гордец тот, кто ставит себя самого выше прочих.

Святые Отцы полагали, что гордость – свирепый и неукротимый зверь

Святые Отцы полагали, что гордость – это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных людей и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей. Гордость, коль скоро овладеет бедною душою, то, как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.

Страсть гордости – наипервейшая страсть

Св. Иоанн Кассиан, размышляя о борьбе с духом гордости, писал: «Осьмая и последняя брань предлагает нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетели.

Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное возношение как пред Богом так и перед людьми; однако ж тот первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей» [3, с. 86–87].

Гордость – страсть, которая истребляет в человеке все добродетели

Святой Отец был убежден в том, что нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла в человеке все добродетели, как эта злая гордость. Всякая иная страсть довольствуется своими пределами и своею целью, а гордость до основания разрушает и разоряет душу. При этом чем более богатую душу пленил дух гордости, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее. В качестве примера Св. Иоанн Кассиан вспомнил об ангеле, которого за чрезмерность его блеска и красоты назвали *Люцифером*. Сей ангел был низвергнут с неба не за

Помыслы уже побуждают дух гордости

что другое, как за эту страсть: уязвленный стрелой гордости, из столь высокого чина блаженных ангелов он ниспал в преисподнюю. Этот Архангел возомнил, что блеском премудрости и красотой добродетели он обладает благодаря естественным силам, а не по великодаровитости Божией. Святой Отец указал, что, вознесшись по сей причине, Ангел почел себя равным Богу.

Как человеку избежать пагубнейшей заразы духа гордости?

Однако *помышление* побуждает пагубное падение. Упование на множество богатства своего [Пс. 51:9] поднимает дух гордости.

Страсть гордости есть источник всех грехов и преступлений. Она губит не только противоположную себе добродетель – смирение, но губит и все остальные добродетели. И искушает гордость не каких-нибудь посредственных и ничтожных людей, а особенно тех, которые стоят на высоте могущества.

Блаженный царь Давид, обращаясь к Господу, обещал: «Гордого очами и надменного сердцем не потерплю» [Пс. 100:5]. Давид со вниманием оберегал тайники сердца своего. Он с дерзновением возглашал: «Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое» [Пс. 130:1].

«Да не наступит на меня нога гордыни»

Не полагаясь на одни свои усилия, Соломон в молитве испрашивал помощи у Господа. Соломон молился: «Да не наступит на меня нога гордыни» [Пс. 35:12]. Соломон избегал сделать какой-либо шаг по внушению гордости.

Гордость – страсть, которая всего больше претит Богу [З, с. 90].

И хотя тексты «Добротолюбия» писались для верующих и монахов, не следует ли и сегодня мирским людям задуматься о страсти гордости?

Замечательные максимы были написаны преподобным Нилом Синайским. Обратимся к некоторым из них: «Гордость на великую высоту возносит гордого, и оттуда низвергает его в бездну»; «Обилие плодов нагибает до земли древесные ветви, и множество добродетелей смиряет мудрование мужа»; «Не предавай гордости душу свою и не увидишь страшных мечтаний; потому что душа гордого бывает оставлена Богом, и делается по радованию бесов»; «Гордость архангела низвергла с неба и сделала, что он, как молния, спал на землю»; «Что горе возносишься, человек, и подьмешься выше облаков, будучи пыль и прах?»; «При-

Гордый не терпит
превосходства над
собой

знай своего соестественника, что он одной и той же с тобой сущности, и не отрицайся от родства с ним по надменности»; «Былинка подымется высоко дуновением ветра, а гордого возносит приражение безумия»; «Лопнувший пузырь обращается в ничто, – и память гордого погибнет»; «Слово гордого исполнено кичением» [4, с. 284–286]. И еще много пронзительных максим изрек преподобный Нил Синайский.

Духовный мир сложен и опасен для отдельного человека. Как много человек размышляет, как долго и сложно он ищет истину!

Св. Ефрем Сирианин также свидетельствовал о гордящихся. Он полагал: «Гордый не терпит превосходства над собою, – и встречая его, *или завидует или соперничает* (курсив наш. – Авторы). Соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть одна из сих страстей, в том оба они» [5, с. 448]. И еще: «Кто сам себя возвышает, тот готовит себе бесчестие» [5, с. 449].

Св. Иоанн Лествичник имел свое мнение о страстях человеческих и о борьбе с ними: «*Начало* гордости – укоренение тщеславия; *середина* – уничтожение ближнего, бесстыдное проповедывание о своих трудах, самохвальство в сердце, ненавидение обличия; а *конец* – отвержение Божией помощи, высокомерное упование на свое тщание, бесовский нрав... Один мудрый старец увещевал горделивого брата, но сей, слепотствуя душою, сказал: “Прости меня отче, я совсем не горд”. Тогда мудрый старец возразил: “Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не уверением, что нет в тебе гордости”» [6, с. 579–580].

Нужен сторонний
глаз мудрого...

Нас поражает тонкая рефлексия Святых Отцов на происходящие в нас помыслы, суждения и утверждения, логическую несостоятельность и душевную слабость которых мы едва замечаем.

Нужен сторонний наблюдающий за сим внимательный глаз мудрого, понимающего и доброжелательного человека, который подобающим тоном объяснит тебе твои заблуждения и твое неразумие.

Действительно, гордость постоянно маскируется, прячется и изыскивает пути сокрыть себя завесами добродетелей.

Человек должен
без устали
контролировать
свои прилоги
и помыслы

Св. Иоанн Лествичник рекомендовал не надеяться на свои добродетели, а постоянно контролировать свои прилоги и помыслы. Он предупреждал: «От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия»; «Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и

беззакония» [Мф. 23:28]. Он полагал, что «гордость есть убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что имеет свет. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою. Гордый не имеет нужды в бесе-искусителе; он сам сделался для себя бесом и супостатом. В гордых сердцах рождаются хульные слова... не знаю, как это бывает, что весьма многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество. Хульные помыслы рождаются от гордости...» [6, с. 581].

Святой Отец всякий раз поддерживал человека, указывая ему на то, что хульные помыслы «не наши, но врагов наших». Человек же ответственен за следование этим помыслам.

Гордость – спутница
одиночества

Платон обычно не обсуждал такие страсти, как честолюбие и гордость. Однако указывал на то, что гордость – спутница одиночества [7, с. 472].

О страстях и борьбе с ними писали многие и многие православные мыслители. Рассуждая о духовной жизни и о страстях, Феофан Затворник писал о том, что кто много жил, тот успел глубоко остраститься [8, с. 188–219].

Тщеславные люди
могут вдыхать
жизнь в инновации

О тщеславии в свое время писал Фрэнсис Бэкон. Он полагал, что тщеславные натуры реально способны вдыхать жизнь в самые разные предприятия. Он называл принадлежащих истории тщеславцев, начиная от Сократа, Аристотеля, Галена, которые были полны хвастовства. Ф. Бэкон утверждал: «Тщеславие, безусловно, помогает увековечить память о человеке. <...> Слава Цицерона, Сенеки, Плиния Младшего не пережила бы их века, если бы к ней не присоединилось их тщеславие, подобно лаку, который придает полу не только блеск, но и прочность» [9, с. 476].

Знания и мудрые
мысли пробуждают
самосознание
следующих
поколений

Здесь необходимо сделать отступление от лица одного из авторов – В. С. Мухиной: *«Когда я привожу мудрые мысли Святых Отцов, то делаю это потому, что когда-то многие из этих мыслей были для меня внове. Но, поразмыслив и прочувствовав эти мысли, я сделала их своими и значимыми для дальнейших размышлений»*. Безусловно: новые знания и мудрые мысли пробуждают самосознание представителей новых поколений. Великое идеополе общественного сознания дает возможность продвигаться человеку лично.

Очень многих идей Святых Отцов мы не касаемся вовсе, потому что они направлены непосредственно на духовное развитие православных христиан и монахов. Мы не помышляем входить в область богословия. Наша

Образы и идеи
Великого идеополя
общественного
сознания обращены
к умам и душам
нового поколения

Человечество
открыло, что
тщеславие
и гордость –
греховные страсти

цель – показать читателю, что в истории человеческого духа уже давно сложились такие знания, о которых перестали помышлять как современная философия, так и другие науки, заинтересованные в понимании психологии человека и феноменологии его личности.

Все, что вошло в Великое идеополе общественного сознания, должно быть обращено к умам и душам каждого нового поколения. Мы, люди, обязаны находить тех, кто будет брать на себя посреднические функции для указания новому поколению на те знания, добытые мудрецами, философами, учеными, писателями, которые прежде нас уже имели место быть и которые были обращены к таким значимым проблемам человеческой психики и человеческого духа, как страсти тщеславия и гордости.

Человек *открыл*, что *тщеславие и гордость – греховные страсти*.

Тщеславие и гордость действительно опасные для человека страсти. Они вырастают из социальной человеческой потребности в реализации притязаний на признание и порождают зависть и ненависть к ближнему [10].

Тщеславие и гордость отчуждают человека не только от других людей, но и от самих себя. Тщеславный и гордый капсулируется в замкнутом пространстве себялюбия, которое, сжимаясь как шагреновая кожа [11], все больше и больше побуждает человека к отчуждению от своей феноменологической духовной сущности.

И сегодня богословы продолжают размышлять о тщеславии и гордости, пытаются достучаться до сознания и души человека.

В богословии гордость (и ее проявление – гордыня) как нарушение второй заповеди закона Божия описывается множеством вариантов. Это, судя только по оглавлению перечня грехов – самолюбование, горделивое пренебрежение помощью, самонадеянность, своеволие, славолюбие, самообожание, иные аспекты греха [12, с. 556–557]. Порождением личной гордыни, излишнего доверия своему уму и личному духовному опыту является ересь. Гордость как «превозношение» над ближним, высокомерие, «демонская твердыня» считается опаснейшим из грехов и рассматривается отдельно и обстоятельно. Это (в отношении только мирских отношений) презрение ближнего, предпочтение себя во всем, неверие и «лжеименитый» разум, насмешничество и т.д. Но от гордости отличается тщеславие как выставление напоказ своих достоинств. Отдельный грех в отношении ближних – любоначалие – желание быть первым во власти, желание пове-

Соотношение
понятий «гордость»
и «гордыня»

левать. Отдельный грех – человекоугодие – обратная сторона любоначалия, заключается в желании понравиться другому человеку, страх опозориться.

Гордость, таким образом, более широкое (родовое) понятие по отношению к гордыне (честолюбию и т.д.). При этом гордость ведет к самоотчуждению: «не допускает узнать и признать свое окаянство, и так остается человек и пребывает в бедности своей и окаянстве» [13, с. 24–25]. Так называемый «гордый человек» возвышает себя, добро, какое имеет у себя, себе самому, своему тщанию и трудам, и своему разуму приписывает, а не Богу; высшим не покоряется, равным и нижним не уступает (выраженная конкурентность); в словах и поступках надменность и пышность некую показывает (чем не демонстрация «великолепия» в нарциссизме, подробно рассмотренного ниже); славы, чести и похвалы всяким образом ищет; везде и всем ищет себя показать, бесстыдно себя хвалит и возвышает, высоко себя и дела свои превозносит; хвалится и тем добром, которого не имеет (проявление типичных нарциссических фантазий); тяжело переносит свое унижение и потому недостатки и пороки свои весьма старается скрывать (болезненное переживание неудачи); увещания, обличения, совета не приемлет; в презрении и незнаемости быть не терпит; сана, чести или начальства лишившись ропщет, негодует, а часто и хулит; следственно, гордость гневлива, завистлива, нелюбительна, ненавистлива.

Гордый человек также склонен презирать и унижать других людей; дела их пересуживать, погрешности возвышать, хвалу уменьшать.

Во времени понятие гордость насыщается новыми значениями.

Гордость как любовь
к чести

Так, независимо от отношения религии к гордости И. Кант объяснял это понятие (*animus elatus*) как «любовь к чести», «заботу о том, чтобы ни в чем не уронить своего человеческого достоинства перед другими. <...> Но сама эта гордость становится прегрешением и оскорблением, если она остается всего лишь требованием, чтобы другие отдавали ей дань» [14, с. 513]. Полагаем, что это здоровое размышление вполне соотносится со значениями и смыслами русского понимания слов *гордость* и *гордец*. *Гордость* – чувство собственного достоинства, самоуважения, чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов. Однако гордость – это и чувство высокомерия, заносчивости, чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим. Таким образом, можно говорить об амбивалентности понятия «гордость».

Гордый –
гордынный,
высокомерный

В то же время слово *гордец* несет в себе вполне определенное значение – «заносчивый, высокомерный человек». О гордеце писал Вл. Даль, когда определял слово «гордый» как «гордынный, гордостный, горделивый, надменный, высокомерный». Гордость, гордыня, горделивость – качества, свойства гордого. *Гордым быть, глупым слыть. В убогой гордости дьяволу утеха. Во всякой гордости черту много радости. Смирение паче гордости. Гордый славится, тщеславится.* Гордеть – значит постепенно становиться гордым, надменным. Гордовать – брезговать, презирать, гнушаться. Гордыбачить, фордыбачить – неуместно и дерзко молодежь, пускаться на грубые выходки, бахвалить и грозить. Гордыбачливый – тот, кто склонен к тому, чтобы гордыбачить. Гордонапыщенный – носящий в себе гордость. Гордословие – гордыня, надменность в речи.

Как многозначен великорусский язык, входящий в «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля. Это не только исключительное явление (собрание многозначных слов языка), но это, по существу, уникальное собрание значений и смыслов, определяющих глубинную психологическую сущность наших человеческих качеств. Значения и смыслы живого русского языка не уступают многим философским и психологическим понятиям, определяющим человеческие сущностные качества.

Гордость
и тщеславие –
духовная сущность
истерии

В свою очередь, православный человек Д. А. Авдеев полагает, что «психопатологическим» аналогом гордыни можно считать истерию: «Гордость и тщеславие, лживость и позерство – вот духовная сущность истерии» [15, с. 54]. При этом автор полагал, что истерия – это греховное устройство души, а не болезнь. Основная особенность истерических личностей заключается в постоянном стремлении привлекать к себе внимание окружающих, при этом для них типичны неустойчивость интересов и привязанностей.

Истерические личности имеют выраженную потребность в восхищении. Эта сущность истерика совпадает с сущностью нарциссической личности.

Нарциссическая
личность раздута
чувством
собственной
значимости

Нарциссическая личность – личность, обладающая раздутым чувством собственной значительности. Такая личность склонна демонстрировать себя, выставлять напоказ и добиваться со стороны окружающих внимания и восхищения. «Нарцисс» – человек, который уверен в своей исключительности, в праве на всеобщее признание и поклонение. Специалисты полагают, что, несмотря на реальный дефицит продуктивности и соци-

альной ответственности, человек нарциссического типа склонен оправдывать себя и демонстрировать самонадеянность, самодостаточность.

Выраженный отпор завышенной самооценке со стороны окружающих может вызвать серьезный срыв: аффекты или невротические состояния. «Нарцисс» часто крайне озабочен тем, какое впечатление он производит на окружающих. Критика в его адрес вызывает надменное чувство холодного пренебрежения или чувство бешеной агрессии. Иногда может быть реакция полного отчуждения от других и от себя.

Обида, нанесенная Я, может привести к паранойе

Впервые придал психологическое значение понятию «нарциссизм» Хэвелок Эллис [16]. Позднее З. Фрейд внес новые значения и смыслы в понятие нарциссизм в связи с пониманием проблемы развития личности [17, с. 117–144]. Он понимал нарциссизм как привязанность либидо к собственному Я как к объекту. Он писал о том, что «мы имеем дело ни с чем другим, как с изменением распределения либидо вследствие изменения Я-комплексов» [17, с. 126]. З. Фрейд сообщал о том, что из его наблюдений извращенных и гомосексуальных лиц видно, что более поздний объект любви избирается по их собственному образу: «Они, очевидно, в объекте любви ищут самих себя, представляют из себя такой тип выбора объекта, который следует назвать *нарциссическим*» [17, с. 131]. З. Фрейд предположил, что «нарциссизм составляет определенную стадию развития либидо». З. Фрейд объяснял «заболевание паранойей вследствие обиды, нанесенной Я» [17, с. 144]. Паранойя, как известно, имеет хроническое или волнообразное течение. Клиническая картина определяется монотематическим сосредоточением на травмирующей идее.

Обсуждая работы З. Фрейда, в частности «Введение в нарциссизм», написанное в начале войны 1914 г., Ж. Лакан предпринял попытку анализа проблемы нарциссизма, исходя из видения глубинных истоков этого феномена [18, с. 54].

Нарциссическая личность обладает завышенной потребностью в восхищении

Позднее Отто Кернберг и Гейнц Кохут выдвинули концепцию, согласно которой нарциссическая личность обладает «необычной степенью самоотнесенности в своих интеракциях», а также завышенной потребностью в восхищении, эксплуатирующим, паразитирующим отношением к окружающим [19].

Нарциссическая личность самоуверенна

Т. Миллон полагал, что «этот паттерн характеризуется эгоцентрической самоуверенностью и претензией на превосходство, тенденцией снисходительно эксплуатировать других для извлечения собственной пользы,

Проблема здорового нарциссизма

инфантильными фантазиями и безразличным игнорированием прав других людей» [20, с. 739].

Т. Миллон с позиции теории социального научения представил ряд критериев диагностики нарциссической личности. Речь идет о раздутом Я-образе, эксплуататорском стиле межличностных отношений, когнитивной экспансивности, беззаботном темпераменте и о дефиците социального сознания.

Нарциссизм рассматривается некоторыми авторами как нормальный феномен развития. В частности, Е. Банай с соавторами оперируют понятием «здорового нарциссического развития» [21, с. 225]. *Нарциссическое здоровое развитие* ведет к цельной структуре личности, предоставляет чувство идентичности, ценности и смыслы и способствует актуализации человеческих потенциалов (врожденных талантов и приобретенных умений). Авторы не сомневаются, что нарциссическая линия развития активна с самого рождения, является предпосылкой адекватного личностного функционирования. Эта линия развития стимулирует к удовлетворению потребности в самовыражении, саморазвитии, приводит к развитию внутренних структур и сохранению психического здоровья.

Дж. Е. Дэвис, в свою очередь, предположил, что в норме человек должен уметь осознавать и формулировать собственные желания, а не отчуждаться от них [22, с. 310–314]. В противном случае нереализованные желания рано или поздно дадут о себе знать.

Нарциссизм играет роль в поддержании стабильной позитивной самооценки, развитии здоровых амбиций и достижении значительных успехов. Другой аспект «здорового нарциссического развития» приводит к развитию способности формировать и поддерживать стабильную систему здоровых идеалов, ценностей и целей. Нормальное развитие также предполагает коммуникативные навыки (в том числе близкого общения), формирование идентичности с группой и чувство, что идеалы, цели и особенности человека понимаются и принимаются другими.

Позитивный аспект нарциссизма

Позитивные аспекты нарциссизма также обсуждают Х. М. Вэллейс и Р. Ф. Баумейстер [23, с. 831–833]. Нарциссический тип личности, как полагают авторы, не боится конфликтов, агрессивен, поэтому может быть даже полезен в групповой дискуссии, в которой часто воздерживаются от оценок, боясь испортить отношения. «Нарцисс» же об отношениях не заботится и не будет сомневаться, если потребуется вступить в конфликт.

Формы защитной
гордости

Соответственно, для группы в некоторых ситуациях он может быть даже полезен. В индивидуальной работе он также может быть «на высоте», если есть возможность «возвышения». Но в остальных ситуациях, когда возможности «показать себя» нет, он не утруждается.

Близиких нарциссическому типу «гордецов» описывает И. МакГрегор с соавторами [24, с. 979–980]. По мнению авторов, гордость в целом – это выраженная позитивная самооценка, оправданная или нет. Авторы описывают три формы «защитной гордости»: 1) *защитная высокая самооценка*; 2) *отчужденно-избегающая*; 3) *нарциссическая личность*. Все эти формы скрывают болезненную ранимость. Защитная высокая самооценка помогает справляться с трудностями, снимает диссонанс, при этом далеко не все люди с высокой самооценкой используют ее в защитных функциях. Отчужденно-избегающий тип преувеличивает свою самодостаточность и компетентность, поскольку он не уверен в отношениях и опасается их. Он надменно избегает и отвергает отношения как ненужные. «Нарцисс», в трактовке авторов, в этом континууме гордости отличается не просто высокой самооценкой, а высшей, поскольку считает, что он не просто велик, а «более велик», «грандиозен», «экстраординарен», «превосходен».

Здоровый
и патологический
виды нарциссизма

А. Л. Пинкус с соавторами, в свою очередь, различают «здоровый» и «патологический» виды нарциссизма [25, с. 365–379]. Здоровый нарциссизм поддерживает нормальную самооценку, амбиции, удовлетворенность, хотя нередко за счет неудовлетворительных межличностных отношений. Патологический нарциссизм авторы связывают с высокомерием, тщеславием, «грандиозностью». Внешне это проявляется в эксгибиционизме, недостатке эмпатии, эксплуататорском (потребительском) отношении к окружающим. Этот вид нарциссизма переживается как ощущение своей исключительности, при этом также предполагается особого рода ранимость, чувствительность к угрозе самооценки.

Гордость меняет
качественные
характеристики
человека

Подходы исследователей к проблеме гордыни могут отличаться в трактовке ее сути. Так, И. МакГрегор с соавторами считают, что «нарцисс» в континууме гордости отличается не просто высокой самооценкой, а наивысшей, что меняет качественные характеристики человека. В то же время А. Л. Пинкус с соавторами на основании эмпирического исследования пришли к выводу о том, что патологический и нормальный нарциссизм могут быть различными личностными характеристиками. Иначе говоря, норма не переходит в пато-

Отличия «воина»
и «нарцисса»

логию, увеличиваясь количественно, гордость и большая гордость – одно, а гордыня – другое; это по сути разные психические феномены.

Наглядное отличие здорового и патологического нарциссизма демонстрирует Р. Раскин с соавторами [26, с. 911]. Если «воин» борется за славу, восхищение, богатство, власть и статус, то «нарцисс», стремясь быть признанным, прилагает мало усилий, но он боится социального отвержения. Если для «воина» жизнь – это соревнование, в котором может быть только один победитель, то для «нарцисса» жизнь – нечто вроде сцены, где он должен добиться признания.

Нарциссизм
как личностное
нарушение

В клинической практике нарциссизм рассматривается как личностное нарушение. Согласно классификации Американской психиатрической ассоциации *DSM-IV*, нарциссизм описывается несколькими характеристиками [27, с. 341, 353]. Это представление о своей уникальности и превосходстве; это сохранение грандиозного Я в мечтах о славе, о власти и о любви. «Нарцисс» уповает на внешнее – он находится в поисках восхищения и внимания (иногда «нарциссы» могут быть очаровательны в поисках похвалы). Социально «нарциссы» – потребители, они завистливы к чужим способностям и достижениям. Согласно данным авторов, такого рода расстройства наблюдаются примерно у 1% популяции (данные Американской психиатрической ассоциации 1994 г.).

Нарциссизм создает
трудности
в рефлексии

При патологическом нарциссизме возникают трудности в рефлексии, в понимании собственного состояния и в признании собственных желаний. С другой стороны, очевидны трудности в эмпатии – почти отсутствует способность понимать мысли, эмоции и точку зрения другого человека. Как полагают Дж. Димагджио с коллегами, две особенности метасознания взаимно усиливают друг друга: слабое знание себя не дает возможности видеть других и наоборот, взгляд на других как на средство не дает возможности исправить представление о себе [28, с. 447].

Нарциссизм влечет
за собой зависть,
злопамятство

Другой важный аспект нарциссизма, который описывается рядом авторов – такие особенности, как *зависть, неумение прощать, злопамятность*. Как уже указывалось выше, «...гордость гневлива, завистлива, нелюбительна, ненавистлива».

Дж. Дж. Экслейн с коллегами (среди которых также Б. Дж. Бушман и Р. Ф. Баумейстер) в статье с говорящим названием («Слишком горд, чтобы простить: нарциссизм как барьер к прощению») приводят теоретические и

эмпирические данные, которые позволяют считать производным гордыни *злопамятность* [29, с. 894–912]. Прощение, как считают авторы, является важным фактором восстановления межличностной гармонии, сохраняет психическое (и физическое) здоровье прощающему, дает возможность выжить после разрушительного конфликта. Нарциссическая личность, как следует из выводов, не склонна прощать долгов в широком смысле слова – много ждет от окружающих, требует возврата «межличностных» долгов-отношений в полном объеме, поскольку стремится наложить на окружающих как можно больше обязательств по отношению к себе. Если нарциссическая личность и прощает, то при определенных условиях, стремясь получить побольше извинений.

Нарциссизм
и трансформация
личности

Более того, Н. Шварц-Салант указывал на важную роль ярости и зависти у нарциссической личности, тогда как часто зависть, ярость и другие аффекты считают следствием недостаточного проявления эмпатии. Автор писал: «Фактически нарциссическая ярость имеет особое свойство: она не умеет прощать. Можно только поражаться, как эта ярость может жить в бессознательном, оставаясь незатронутой событиями, происходившими после травматической ситуации. Можно изумляться тому, как по истечении многих лет человек может снова испытывать ярость, будто он опять переживает травматическое событие» [30, с. 67–68]. Зависть, по мнению автора, является основной характерной чертой нарциссической личности. Она может принимать крайне разрушительную форму, но может быть и малозаметной и способствовать обесцениванию именно того недостижимого для человека качества, в котором он больше всего испытывает необходимость (например, в поддержке, душевном тепле, телесном комфорте и т.п.).

Психологические
детерминанты
нарциссизма

Отдельно следует обсудить психологические детерминанты нарциссизма. С позиций психоанализа трактует природу нарциссизма К. Аспер, но также указывает на слабость самосознания. Во многом данный феномен считается обусловленным эмоциональным отвержением, при котором ребенок пытается помочь себе тем, что добивается признания у других, стремясь соответствовать их ожиданиям. Для этого развивается «маска», за которой ото всех, и от него тоже, скрыты его собственные чувства; он отчужден, прежде всего, от самого себя и не имеет стабильного самоощущения, самооценки, «самости». Мания величия в дальнейшем служит защитой от депрессии, а депрессия – защитой от мании величия, и вместе с «маской» они защищают от ранения

хрупкой самооценки. К. Аспер по причине генезиса нарциссизма считает этот феномен травмой – «нарциссической травмой», а ее носителя – нарциссически травмированной личностью [31, с. 68–72].

Помимо переживания «грандиозности», К. Аспер описал несколько иных типичных характеристик нарциссической личности [31, с. 75–77], в том числе, как указывалось выше, недостаток чувствительности, прежде всего к самому себе. Поскольку «нарцисс» имел недостаток обратной связи в прошлом, он не рискует испытывать чувства, многие избегают признавать свои потребности, фактически он отчужден от самого себя. Он отчужден от своей жизни, испытывает трудности в припоминании своего детства. В социальном аспекте отчуждение проявляется в том, что он боится просить о помощи и принимать ее, опасаясь повторения детского опыта.

Свою психоаналитическую трактовку нарциссизма предложил также Д. Холмс, но он подчеркнул такие черты характера нарциссической личности, как стремление представить себя как «человека, который сам себя сделал» [32, с. 49], внешнее отрицание зависимости в целом (отсюда самолюбование), но при этом также скрытое фрустрированное желание любви и заботы.

В настоящее время большое внимание уделяется психологическим аспектам нарциссизма. Б. Дж. Бушман и Р. Ф. Баумейстер сделали выводы, что нарциссизм и самооценка далеко не всегда связаны [33, с. 220]. Нарциссизм при «защитной» его форме может быть вызван именно низкой самооценкой. При этом нарциссизм трактуется как некоторое позитивное самоотношение, любовь к себе и чувство собственного превосходства. Иначе говоря, нарциссическая личность стремится утвердить превосходство, даже не будучи уверенной в достижении этого превосходства; таким образом, нарциссизм коренится в мотивации и эмоциях, а не в когнитивной сфере. Таким образом, при высокой самооценке нарциссизм вовсе не обязателен, и наоборот.

М. К. Пистол писал, что в современном понимании нарциссизм, несмотря на теоретические различия между авторами, обычно описывается как проблема самооценки, когнитивно-аффективная особенность организации Я [34, с. 117]. Если в норме человек сам может поддерживать самооценку и отношения, то в указанной патологии позитивная самооценка зависит от других – фактически от внешней оценки. Соответственно, его представление о себе более ранимо. Соответственно, первичным в нарциссизме автор считает скорее не «грандиозность», а особен-

Заблуждения
нарциссической
личности

Нарциссизм –
проблема
самооценки

ности формирования самооценки. Р. Д. Лэйнг достаточно подробно описал данный процесс [35, с. 114–115]. Согласно его видению, человек часто не может позволить себе быть самим собой с другими, прячет свое подлинное Я. Самим собой человек остается только в одиночестве. Но чем более спрятано настоящее Я, тем более фальшивой, нарциссической и эксгибиционистской будет презентация. Человек постоянно привлекает внимание к себе, но отвлекает его от своего Я, которое он ненавидит и боится предъявить окружающим.

Практически сходную трактовку сформулировал А. Менегетти: у «нарцисса» избыточное идеальное представление о себе, которое каждый несет в своем Я, вбирает в себя слишком много ригидности, идущей против осознания собственной сущности [36, с. 156–157]. Когда симптом подобного рода сформирован и превалирует над сознанием Я, то субъект начинает организовывать окружающий мир в соответствии с этим патологическим симптомом.

Социальный генезис
нарциссизма

Отдельный интерес представляет социальный генезис нарциссизма. Некоторые аспекты эгоизма (egotism) или нарциссизма, практикуемые человечеством в процессе развития общества, описывал К. Р. Берстейн [37, с. 116–117].

Психологи описывают аспекты нарциссизма. Первый из важных аспектов – приобретение и демонстрация знаний, которыми не обладают другие. Второй – развитие «развлекательных» (от лат. ludicrus – развлекательный, забавный) форм поведения. Третий – утверждение в чувстве превосходства (приобретение или изготовление вещей, которых недостает другим) [38, с. 370]. Перечисляемые формы поведения поддерживают представление о собственном превосходстве. Однако эгоизм ненасытен и требует все больше и больше вложений. (Вероятно, что гордыня в данном случае является причиной алчности и стяжательства, когда владение вещью, статусом, «империей» – доказательство превосходства.)

Анализ социальных проявлений нарциссизма предлагал К. Лаш. Автор полагал, что нарциссизм представляет собой лучший способ справляться с трудностями и тревогами современной жизни. Нарциссизм – обобщенный портрет «освобожденной» личности с избеганием зависимости, страха старости и смерти [39, с. 50–51].

Особый вклад в воспитание «нарцисса» вносят родители, которые пытаются показать ребенку, что он

Разделение людей на «достойных» и «посредственностей»

любим, желанен, но при этом они одновременно отчуждены от него. Это сочетание отчужденности от ребенка и попыток убедить его в превосходстве представляет собой основу для формирования базиса нарциссизма.

Социальный аспект нарциссизма дает основания к разделению всех людей на «достойных» и «посредственностей». «Нарцисс» стремится принадлежать к высшей категории и боится не только исключения из нее, но и принадлежности к низшей [40, с. 429–430]. Не принадлежа реально к «высшим слоям», «нарцисс» остается в одиночестве.

Патологический нарциссизм

А. Лоуэн описывал два вида патологического нарциссизма. Первый – психопатичная форма. Автор считал, что отличие от нормы скорее не качественное, а количественное: все проявления нарциссической личности сильно выражены [41, с. 22–24]. А. Лоуэн в характере данного типа личности подчеркивал отчуждение от собственных чувств. Эта позиция, собственно, следует из названия работы «Нарциссизм: отрицание себя настоящего». «Нарцисс» будет лгать, красть, даже убивать без тени вины или сожаления. Он весьма импульсивен, поэтому его чувства им не воспринимаются и не оцениваются. Действия, таким образом, не основаны на сознательных чувствах. Пример тому – хладнокровное убийство. Но А. Лоуэн считает, что «нарциссы» не являются неудачниками. Они могут быть способными адвокатами, политиками, вместо убийства людей могут совершать рейдерские захваты, убивая компании. При этом ключ к такому «успеху» – именно в отсутствии чувств. Параноидный «нарцисс» – еще дальше от нормы. Он начинает подозревать, что из-за его значимости в глазах окружающих на него не только смотрят, но о нем говорят, за ним следят.

Типы нарциссизма: грандиозный и ранимый

С. Хиббард считал возможным выделить, помимо «классического» нарциссического «грандиозного» типа, и другой тип – «ранимый», которому в отличие от первого типа присущи стыд и мазохизм [42, с. 504]. Стыд, как предположил исследователь, вторичен. Это стыд даже не за грандиозные амбиции сами по себе, а за неудачу в их осуществлении. (Если трактовать данный тип не в столь научной терминологии, то гордец кается только в том, что не смог добиться своего.) К сожалению, автор не привел иных (прежде всего социальных) характеристик данного подтипа.

Типы нарциссизма: грандиозный – эксгибиционистический, ранимый – сензитивный

Типологию нарциссических личностей, основанную во многом на исследованиях других авторов, рассматривал П. Винк [43, с. 591–596]. Это фактически «классический» открытый (клинический, по критериям DSM) тип

нарциссизма. Скрытый тип – ранимый, депрессивный, но удивляющий фантазиями и часто потребительски относящийся к другим. Собственное исследование автора подтверждает две эти формы нарциссизма, поскольку эмпирически выделяется два основных независимых фактора, соответствующие этим типам: первый «грандиозность – эксгибиционизм», второй «ранимость – сензитивность». Таким образом, первый тип независим, демонстративен, эгоистичен, агрессивен, хотя и нуждается в восхищении. Второй тип раним, тревожен и депрессивен; интроверт с «грандиозными фантазиями».

Анализ работ по проблеме нарциссизма позволяет говорить о «структурированной» грандиозности, которая обнаруживается в выгодном имидже, что может быть наиболее позитивно оценено извне, и в успехах в деятельности, выбираемой с учетом ожидания восхищения [44, с. 52–53]. Иная, «свободно плавающая», грандиозность может проецироваться на любые чувства, мысли или действия. Это проявляется в типично нарциссическом ощущении превосходства и важности, в демонстрации всемогущества и всезнания.

Делинквентный тип
нарциссической
личности

Особый, уже близкий к патологии (в любом случае делинквентный) тип нарциссических личностей описан С. В. Познышевым [45, с. 133]. Для них, как писал автор, наиболее всего подходит название «тщеславно-самолюбивых импульсивных преступников». Предрасположенность к преступлению у них состоит в склонности производить впечатление на людей с определенным весом и значением, с определенными связями или способностями, «показывать себя» другим. Они презентуют себя как способные совершить известный поступок, как умеющие вести себя в известном положении, как умеющие «подать и принять не хуже, а даже лучше всякого другого» и т.п. Иногда этими людьми руководит тщеславие, а иногда – так называемое ложное самолюбие. Большей частью это люди недалекие, весьма обидчивые, «мелко самолюбивые», больше всего боящиеся, как бы не показаться другим в каком-либо неприятном или конфузном положении. При этом внешние поводы, по которым действуют эти люди, иногда так незначительны, что их сложно заметить и трудно объяснить.

Многоликая
нарциссическая
личность

В целом можно отметить, что в науке весьма дифференцированно описана так называемая многоликая нарциссическая личность. Показаны ее основные психологические характеристики, как личностные, так и социальные, которые во многом подтверждаются специаль-

Психические отклонения в нарциссизме

ными исследованиями. Нарциссическая личность может быть вызвана дефектной самооценкой и спутанным самосознанием.

Отдельно надо упомянуть о психических отклонениях, связанных с их отнесением к нарциссизму.

Особое значение обретает нарциссизм в качестве полового извращения. В психиатрии нарциссизм определяется как аутофилия, аутоэротизм, аутомоносексуализм – половое влечение к собственному телу. Сексуальное возбуждение возникает при созерцании собственного тела в зеркале или на фотографии. Нарциссизм в качестве психического отклонения в большинстве случаев сочетается с другими извращениями. Но предмет психиатрического анализа отклонений больного не является предметом настоящего исследования.

Мы обсуждаем тщеславие и гордость как саморазрушающие страсти человеческие, а также в контексте их переживаний нарциссической личностью.

«Нарцисс» – это комплекс болезненного тщеславия, гордости, страха и ненависти к другим, ранимости и «грандиозности». Главное в контексте нашего обсуждения то, что гордец («нарцисс») отчужден от себя и других. Он не хочет понять себя, своих реальных возможностей и пределов возможных желаний, он только следует своим представлениям о себе. От других он ждет признания. Однако если этого не происходит, он яростно ненавидит. Другие люди «нарциссу» нужны только для оценки его «великолепия», в которое он сам в глубине души не верит.

От подлинного нарциссизма отличаются вполне нормальные проявления гордости и здорового честолюбия.

Склонность человека гордиться порождена социальными ожиданиями

Сама по себе склонность человека гордиться своими достижениями еще не ведет к тому болезненному состоянию, которое определяется в богословии как *гордыня*, в психологии – как *нарциссизм*. Склонность человека гордиться порождена социальными ожиданиями.

Моралисты всех времен были склонны считать, что нет человека, в той или иной мере не наделенного гордостью. Но после такого уточнения остается слишком много неопределенного. Является ли самоуважение формой гордости? Где заканчивается гордость и начинается тщеславие?

Г. М. Бреслав посчитал, что гордость, в отличие от гордыни, является нормальным чувством [46, с. 311–312].

Б. И. Додонов посчитал вполне нормальным тип эмоций, при которых ведущей эмоциональной направленностью являются глорические (от лат. gloria – слава)

эмоции, связанные с потребностью в самоутверждении, славе, признании, почете [47, с. 111]. Наиболее приятные переживания такой человек испытывает, когда является предметом всеобщего внимания и восхищения. В своих работах Б. И. Додонов показал, что эмоциональное насыщение является важной врожденной и прижизненно развивающейся потребностью человека. В определенных случаях субъективная значимость эмоции возрастает настолько, что человек начинает стремиться к переживаниям. Более того, человек рад специально вызвать определенное эмоциональное состояние, чтобы затем можно было наслаждаться им. Желанным может стать и страдание. Если уж это произошло, не столько эмоция начинает обслуживать потребность, сколько сама определенная потребность ставится человеком на службу эмоциональному насыщению. В концепции Б. И. Додонова выраженная или ведущая эмоциональная направленность не подавляет остальные эмоции; этот человек вполне способен к нормальным социальным взаимодействиям.

Позитивные смыслы
в понятии
«тщеславие»

Тщеславию, как и честолюбию, иногда придают иные смыслы, нежели это сложилось в истории языка. Так, некоторые авторы вкладывают позитивные смыслы в слово тщеславие (примеры чему мы приводили выше). Так, по мнению С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова, честолюбие – это проявление уровня притязаний в наиболее значимой для индивида сфере его интересов [48, с. 425]. Однако в словаре Вл. Даля слово *тщеславный* сопряжено с однокоренным *тщетный*, что означает бесполезный, пустой, суетный; *тщеславиться* – искать суетной или тщетной, вздорной, ложной славы, внешнего почета, блеска, почестей или хвалы; величаться, кичиться, возноситься, ревнуя вообще к внешним знакам почета; хвалиться заслугами, достоинствами, своим богатством. *Тщеславный* – кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почету, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы, внешних знаков почестей.

Тщеславие – свойство, качество, выражающееся в стремлении к славе, почестям, почитанию.

К сожалению, со временем уходят из языка весьма выразительные слова, которыми пользовались великие писатели и просто образованные люди. Например, слово *тщета* относится уже к устаревшим словам. Но *тщета* – это отсутствие смысла, ценности в чем-либо, бесполезность, суетность, тщетность. Так, у Л. Н. Тол-

Честолюбие как
искательство
внешней чести

стого в романе «Война и мир» находим это слово: «[Дипломату] представилась вся тщета его дипломатической карьеры в сравнении с счастьем Пьера».

Что касается слова *честолюбие*, то оно означает, прежде всего, стремление добиться почетного положения, жажда известности, славы. Нельзя забывать, что Вл. Даль полагал, что «честолюбие есть искательство внешней чести, уважения, почета, почестей: похвала и награды подстрекают только честолюбие, побуждение внешнее и низкое». Академический словарь современного русского языка объясняет честолюбие как стремление добиться высокого почетного положения, жажда известности, славы: «Честолюбие есть не что иное как жажда власти» (М. Лермонтов. «Княжна Мери»).

Ambition:
1 – чрезмерность
в честолюбии;
2 – потребность
в самоутверждении

В словарных источниках иностранных слов понятие *ambition* означает честолюбие, властолюбие, понятие *ambitionist* означает честолюбивый человек, честолюбец.

Амбиция как
обострение
самолюбия

В русском языке есть понятие «амбиция» – обостренное самолюбие, преувеличенное чувство собственного достоинства. «Амбициозный» – чрезмерно, обостренно самолюбивый, честолюбивый. Однако значения и смыслы многих понятий в устах разных авторов нередко находят в достаточно свободном плавании. Так например, П. Кутер писал, что если раньше честолюбием называли стремление к славе, то сейчас речь может идти о внутренней потребности в самоутверждении [49, с. 105–107]. Автор полагал, что здоровое честолюбие придает нам силы, вызывает у нас волнение, не превышающее допустимый уровень, создает напряженность между нашим идеальным представлением о себе и нашими реальными возможностями. Автор полагал, что доля страстности не может помешать в таком важном предприятии, как стремление к совершенству. Человек, отличающийся «патологическим» честолюбием, готов пожертвовать ради самоутверждения любовью к партнеру, детям и друзьям. По поведению таких людей можно судить о том, что одной из главных потребностей человека является стремление к самоутверждению, стремление к признанию со стороны других. Утвердившись, мы обретаем здоровое чувство собственного достоинства. Если человека ценят окружающие, он может ценить и себя.

Влечение человека
добиваться
признания чревато
завистью

Однако честолюбец подвержен зависти.

И. Кант много и глубоко размышлял о зависти. Он писал о себялюбии и о влечении *добиваться признания своей ценности во мнении других*, при этом отмечал, что «ревности и соперничеству могут быть привиты вели-

чайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чуждых для нас» [50, с. 27]. Полагая, что природа такого соперничества (соревнования) есть побуждение к культуре (культурным ожиданиям), И. Кант настаивал на том, что пороки, которые прививаются этой склонности к признанию, могут называться «*пороками культуры*, а когда они становятся в высшей степени дурными <...>, например *завистью, неблагодарностью, злорадством* и т.д., могут быть названы *дьявольскими пороками*» [50, с. 27].

Зависть,
неблагодарность
и злорадство

К порокам человеконенавистничества И. Кант относил «отвратительное семейство *зависти, неблагодарности* и *злорадства*». Он настаивал на том, что «ненависть здесь, однако, не открытая и грубая, а тайная и замаскированная, что добавляет к забвению долга перед своим ближним еще низость, и таким образом нарушает также долг перед самим собой» [51, с. 505–506].

И. Кант дал четкое определение зависти как социальному пороку человека. Он писал: «Зависть (*livor*) есть склонность воспринимать с неудовольствием благополучие другого <...>, когда она проявляется в поступке (направленном на то, чтобы лишить блага другого), она называется *черной завистью*, в остальных же случаях просто *недоброжелательством* (*invidentia*); зависть все же представляет собой лишь косвенно злонравный образ мыслей, а именно досаду от того, что мы видим, как чужое благополучие заслоняет наше собственное <...>. Побудительные мотивы зависти заложены <...> в природе человека, и лишь их внешнее проявление превращает ее в отвратительный порок угрюмой страсти, терзающей человека и стремящейся к разрушению счастья других, хотя бы только мысленно: [порок этот], стало быть, противен долгу человека перед самим собой и перед другими» [51, с. 505–506].

Саморазрушающие
страсти человека

Соглашаясь с видением проблемы зависти человека И. Кантом как *порока культуры*, мы настаиваем на том, что зависть можно причислить к тем негативным образованиям, которые относятся к саморазрушающим страстям человека [52]. Зависть является и пороком отдельного человека.

Как полагал великий Ч. Дарвин, зависть — это «ненависть к ближнему за некоторые преимущества или успехи его» [53, с. 227], при этом он апеллировал к Ф. Бэкону, который утверждал, что «из всех страстей зависть — самая неприятная и самая продолжительная».

Любовь и зависть —
страсти, которые
околдовывают
человека

Английский философ Ф. Бэкон специально рассматривал зависть: «Никакая страсть так не околдовывает человека, как любовь и зависть. Им обеим свойственны

пламенные желания, обе во множестве порождают вымыслы и соблазны, и обе выражаются во взгляде, особенно в присутствии своего предмета ...» [54, с. 267]. Он писал: «Иные подметили даже, что завистливый глаз всего опаснее, когда созерцает свой предмет в час его торжества, ибо зависть от этого обостряется; к тому же в эти часы дух счастливец более всего устремляется наружу и становится, таким образом, более уязвимым» [54, с. 367]. Философ полагал, что человек, лишенный достоинств, завидует другим, ибо душа человеческая питается либо собственным благом, либо чужим несчастьем. Завистник стремится нанести ущерб благополучию успешного. Он перечислил типы завистников и предметы зависти и в итоге повторяет, что «зависть из всех страстей самая упорная и неутомимая» [54, с. 370]. Для других страстей есть час и время, но «зависть праздников не соблюдает». Зависть иссушает человека: «Зависть есть гнуснейшая из страстей – недаром является она главной принадлежностью дьявола: он и есть тот завистник» [54, с. 370], который, «когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел...» [Мф. 13:25]. Нельзя не согласиться с ним в том, что зависть всегда творит свое дело во мраке и в тайне, на погибель добрым посевам.

Зависть
противоположна
состраданию

Ч. Дарвин указывал на социальный характер зависти. И с этим нельзя не согласиться. Исторически, фактически в то же время, Артур Шопенгауэр включил в свои афоризмы суждения о сквернейших чертах человеческой природы: *злорадству* и противоположности состраданию – *зависти*. Согласно А. Шопенгауэру, зависть в известном смысле человеческа: выступает как человеческое настроение. Человек при виде чужого достатка и наслаждения горше и больнее чувствует свою нужду и недостаточность, что естественно [55, с. 227].

Зависть – причина
идеи равенства

В тот же исторический период Фридрих Ницше не раз возвращался к проблеме зависти. Так, философ весело, шутя говорил о завистнике: «Вот завистник, не следует желать ему детей: он стал бы им завидовать в том, что не может уже сам быть ребенком» [56, с. 258]. В другой своей работе Ф. Ницше писал о зависти как о причине идеи равенства, которая проникла в жизнь как социальная ценность. Философ писал: «Завистливый человек чувствителен ко всякому возвышению другого над общим уровнем и желает или низвести его, или самому подняться до этого уровня» [57, с. 289]. Ф. Ницше предпринял попытку восхождения на высоты духа. Он обсуждал зависть, злорадство, распущенность и другие человеческие низкие качества.

Там, где есть стремление к превосходству, гнездится зависть

Понять природу зависти постоянно стремился и Альфред Адлер. Психолог предупреждал, что к изучению психологии человека «не следует подходить с излишней самонадеянностью и гордыней» [58, с. 6]. А. Адлер среди многих человеческих качеств, как и многие исследователи, обсуждал зависть. Он писал: «Там, где есть стремление к власти и к превосходству, всегда найдется место зависти. Пропасть между индивидуумом и его недостижимой целью выражается в виде комплекса неполноценности. Он угнетает его и настолько влияет на общий характер его поведения и отношения к жизни, что у нас создается впечатление, будто человек далек от достижения своей цели. Это впечатление подкрепляется его собственной заниженной самооценкой» [58, с. 193]. А. Адлер отмечал, что завистник фиксирован на чужих успехах, он постоянно испытывает жгучее чувство отверженности и считает, что с ним обошлись несправедливо. Как писал А. Адлер, «Всеобщность социального чувства определяет и всеобщее отрицательное отношение к зависти» [58, с. 193]. Психолог утверждал, что мало кто из людей не испытывает зависти хотя бы время от времени: «Никто из нас не лишен ее совершенно».

Зависть – продукт нашей несовершенной цивилизации

А. Адлер объяснял зависть несовершенством нашей цивилизации: «Наша цивилизация находится еще на ранней стадии развития. Хотя наша этика и религия запрещают зависть, мы пока не достигли той степени психологической зрелости, на которой ее можно будет полностью устранить» [58, с. 193]. Действительно, для обыденного сознания человека реально существует очень много поводов для зависти. А. Адлер считал, «что нам нужно рассматривать ее как фактор современного сознания человеческой психики». И далее он утверждал, что зависть «отражает нерасторжимую связь между индивидуумом и обществом» [58, с. 194]. Он полагал, что завистник не может быть полезным членом общества: «Завистник заинтересован только в одном: отнимать у других, лишать их собственности и унижать» [58, с. 195]. Зависть – тяжелое чувство ненависти к другим людям.

Сравнение всех и вся генерирует зависть

Социальный и универсальный характер зависти в современном мире также подчеркивал Ю. М. Орлов, который считал, что зависть, как и гордость, – чувства, которые возбуждаются внешним сравнением [59, с. 78–83]. А сравнение стало привычно, так как является частью культуры, в которой сравнивается все, даже любовь, красота, истина. Человек начинает автоматически сравнивать всех и вся, генерируя зависть. Потом он сравнивает и своих детей, создавая у них установку на

зависть. Фактически, Ю. М. Орлов полагает, что культура является также некой «программой», а уколы зависти являются стимулами поведения, соответствующего ценностям этой культуры. Акт сравнения поляризует любую черту на положительное и отрицательное (умный и глупый), что облегчает ориентировку и повышает чувствительность к оценкам других.

Зависть – невольная дань уважения, которую ничтожество платит достоинству

Однако, как следует из анализа истории представлений о зависти, в дальнейшем отношение к ней менялось, и в нем появлялись позитивные оценки. Так, русский психолог XIX в. Н. Я. Грот писал, что чувство зависти – это чувство уважения (к родителям, другим людям), которое складывается, в свою очередь, из чувств красоты, интереса, симпатии и чувства собственного бессилия [60]. Похоже определял зависть французский драматург и баснописец XVIII в. Антуан де Ламотт: «Зависть – невольная дань уважения, которую ничтожество платит достоинству».

«Белая» зависть

В некоторых случаях зависть рассматривается как позитивный фактор – это «белая» зависть, которая побуждает добиваться того же, что есть у других [61, с. 72]. Однако в большинстве своем авторы вообще не рассматривают зависть как зависть, переводя ее в иные категории типа «социального сравнения». Анализируя работы по зависти, Г. Шек писал, что зависть сравнивается с соперничеством, но соперничество обычно справедливо рассматривается как нечто иное, чем зависть; оно сильно отличается от зависти [62, с. 34]. Тот, кто соперничает, кто стремится достичь того, чего достиг другой, может быть несвоекорыстным и беззлобным, не исполненным ненависти. Соперничество требует соперника, конкурента, но он не обязательно враг. Он может быть другом, который стимулирует наши собственные способности и таланты.

Психоанализ о зависти

Мелани Кляйн изучала зависть как бессознательный источник, «как мощное выражение орально- и анально-садистических импульсов» [63, с. 78], которые развиваются у младенцев. Психоаналитик рассматривала зависть к кормящей груди. На многих страницах автор подробно рассматривала этапы развития младенческой зависти. Однако эта тема уходит за пределы нашего интереса.

Зависть как стимул к прогрессу

Позитивные аспекты зависти пропагандировались в США как стимул к прогрессу [64, с. 40–41, 76–77]. И все-таки зависть трактовалась и как «черная» зависть («чтобы не было богатых»), и как «белая» («чтобы не было бедных»). Иными словами, зависть нередко рас-

сма тривалась в качестве стимула к более высокому стандарту жизни, а не к выравниванию его по «нижнему уровню». Зависть в США в 1910–1920-х гг. стала трактоваться не как нечто греховное и аморальное, а как социальная борьба, как позитивный социальный инстинкт. При этом уточнялось, что завидовать можно успешной карьере, но не благосостоянию.

Зависть сопряжена с чувством досады из-за чьего-то превосходства

Тем не менее, Ю. М. Орлов, исследовавший эволюцию зависти, пришел к выводу, что понятие «зависть» непременно включает восприятие субъектом чьего-то превосходства, чувства досады, огорчения, а то и унижения по этому поводу; кроме того, это понятие означает неприязненное отношение или даже ненависть к тому, кто превосходит; желание причинения вреда успешному; желание или реальное лишение более успешного предмета превосходства.

Рефлексии человека на собственную зависть

Весьма храбро и честно Андрей Кончаловский исповедовался о своей зависти, начиная с младых лет. Первое его воспоминание – о зависти к Васе Ливанову, который был обладателем «совершенно обалденных» автомобильчиков. Это детское воспоминание воссоединилось с воспоминанием о встрече взрослых Василия и Андрея: «Не так давно я встретил Васю во дворе “Мосфильма”, он задумчиво рассматривал мою новую американскую машину.

– Привет, Василий, – сказала я.

– Ты когда-то завидовал моим машинкам, – сказал Вася. – А теперь я завидую твоим...» [65, с. 62].

Позже Андрей пережил приступ непреодолимой зависти к Шуне Фадееву – он был потрясен настоящими ножами и револьверами, подаренными Шуне отцом.

Поводы для зависти в юности

Андрей Кончаловский рассказывал: «Много кому я завидовал в жизни, и по самым разным доводам. Какому-то неведомому парню на пляже, у которого удивительно красиво выпирал из-под плавок член... Но, наверное, никому я так не завидовал, как своему консерваторскому другу Володе Ашкенази.

Предметом моей жесточайшей зависти он был, прежде всего, потому, что играл намного лучше меня» [65, с. 62–63].

Зависть может стимулировать к поиску своих реальных способностей

Много позже пристрастное отношение к музыканту Ашкенази было оценено Андреем Кончаловским как великое искусство, которое по архитектонике, по соотношению содержания и формы, по интерпретации было потрясающе. Однако, надо отметить, что это чистое восхищение пришло тогда, когда Андрей расстался с консерваторией и с головой ушел в другую сферу творчества. Однажды он признался: «С точки зрения артисти-

ческой, думаю, Ашкенази более всего повинен в том, что я бросил консерваторию. Я просто не выдержал» [65, с. 63]. Рефлексии Андрея Кончаловского по поводу своей зависти весьма поучительны. Не каждый человек готов так открыто и храбро рассказать о своей склонности к зависти. Андрей Кончаловский всегда считал, что зависть сподвигала его к развитию и к успеху.

Однако не все люди способны распознавать свои эмоции, связанные с завистью.

Невозможность
распознать зависть

Л. Х. Фарбер, рассматривая различные формы и проявления зависти, писал о том, что зависть часто невозможно распознать [66, с. 38–39]. Как актер, который может надевать множество масок, зависть может передаваться через свою прямую противоположность – восхищение. Зависть может принять форму открытого восхищения. Однако, как считает автор, настоящее восхищение «держит дистанцию», уважает различие между «восхитительным» и «восхищенным». Восхищение завистника направлено на самоутверждение в восхищении и на жажду обладать качествами, которые вызвали зависть. При этом восхищение драматизируется, акцентируется. Завистник стыдит тех, кто такого восхищения не высказывает.

Зависть –
опосредованное
выражение
отношения
к другому

Попытку объяснить психологические истоки зависти через рассмотрение этого феномена в историческом контексте предприняла Л. С. Архангельская. Автор писала, что «одной из базовых характеристик зависти является ее опосредованное, косвенное выражение через комплекс отношений к другому» [67, с. 80].

Зависть – продукт
недовольства
человека своим
положением

Все авторы приходят к пониманию того, что недовольство человека своим положением вызывает зависть. Сравнение и оценка выступают социально-психологическими механизмами актуализации зависти, в результате действия которых происходит обесценивание качеств собственного Я, переоценка и идеализация достоинств другого. Объектами зависти чаще всего становятся родственники, сверстники, коллеги, добившиеся успеха, признания. Социально-психологические причины зависти – противоречия во взаимодействиях личности и группы, личности и общества. Среди личностных причин, стимулирующих активизацию зависти, отмечаются чувства униженности, самопрезрения, ощущение потери собственного Я одновременно с неадекватно завышенным уровнем притязаний в виде тщеславия, властолюбия, корыстолюбия. Процессы сравнения и оценивания, рассматриваемые в качестве механизмов зависти, приводят к «инфляции» достоинств одного и гиперболизации

преимуществ другого. А это усиливает недовольство реальным Я и увеличивает расстояние между собственным Я и другим человеком. Чужой успех воспринимается как собственное поражение и Я-реальное завистника обесценивается, поскольку все его внимание перемещается на достижения идеализированного «другого».

Личные качества
другого могут стать
мишенью
завистника

Однако не только социальное положение, но и личные качества могут являться мишенью завистника, например, умственное превосходство. Это приводит к обесцениванию себя, своих достоинств, к потере Я.

В суждениях философов, психологов и моралистов проходит идея о том, что талант, красота, знатное происхождение, ум, сексуальная привлекательность, молодость также являются неперенными объектами зависти. Одной из базовых характеристик зависти является ее опосредованное, косвенное выражение через комплекс отношений к другому. Выявлено, что переживание отношений не всегда осознается субъектом в качестве отношения к другим людям. Завистливое отношение к другим переживается как совокупность состояний (досады, отчаяния, печали, бессилия, злобы, гнева). Зависть тесно связана с такими отношениями, как ненависть, враждебность, ревность, презрение. Завистливое отношение провоцирует вербальную агрессию (ложь, клевету), заставляет человека лицемерить, мстить, желать уничтожения другого как психологически, так и физически.

Общественная
опасность зависти

В представлении С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова зависть общественно опасна [68, с. 264–266]. Легко представить себе массовые акции, побуждаемые завистью.

Акциями, вызванными завистью, Г. Шек посчитал борьбу против роскоши. Борьба завистников против роскоши стара, как мир. Законы о роскоши можно найти в самых различных обществах: среди примитивных народов, в античности, в высоких культурах Дальнего Востока, в европейском средневековье; они сохранились и до наших дней. Автор считает, что «любой, кто станет изучать работы о законах о роскоши в различные исторические эпохи и у разных народов, понимает, что почти всегда в конкретных обществах в их основе находится регулярное и практически универсальное давление зависти, которая выбирает в качестве цели, более или менее случайно, то тот, то другой признак неравенства граждан или соплеменников. Как таковая роскошь никогда не существовала и не будет существовать, существует только зависть к потребительскому поведению, которое клеймят как роскошь» [69, с. 313–314]. Далее автор пишет, что реальный доход, полученный от нало-

гов на роскошь, почти всегда очень невелик. Тем не менее, роскошью считалось, если в доме было больше положенного окон или печей или наличие на жилете больше предписанного количества пуговиц; сегодня в некоторых странах автомобиль облагается налогом по числу лошадиных сил.

Вандализм как следствие зависти

Другое социальное следствие зависти, уже противозаконное – вандализм – нанесение бессмысленного и злонамеренного ущерба частной или общественной собственности или ее уничтожение, не влекущее за собой никакого материального выигрыша для того, кто совершает этот акт, и при этом часто требующее от него значительных усилий. Часто за вандализмом стоит мотив зависти. Именно так объясняет Г. Шек частые акты вандализма, особенно в новых, современных и хорошо оборудованных американских школах, построенных для неимущих. На ребенка трущоб ежедневный контраст между его домом и роскошью блистающих стеклом и металлом, кондиционированных классов школы действует как раздражитель [69, с. 169]. Если ребенок, кроме того, испытывает трудности с обучением, то воспринимает школу как мир, к которому он никогда не будет принадлежать, и ощущает, что далее его ничего подобного не ждет.

Отношение к вещам, которыми владеют другие

Повторимся. Ч. Дарвин писал, что «зависть – это ненависть к ближнему за его преимущество перед собой». Преимущество во владении вещами обычно мало соотносится со способностями человека и вложенным им трудом. Отношение к вещам, которыми владеют другие, колеблется от восхищения их эстетическим видом и функциональным совершенством до ненависти, зависти и вандализма [70, с. 64].

Вандализм может проявлять себя в беспощадном уничтожении культурных ценностей

Исторически слово «вандалы» означало название народа. Ныне оно обратилось в общее название разрушителей культурных ценностей, агрессивных невежественных людей. Вандализм многолик, он проявляется из-за зависти к тому, что не принадлежит лично завистнику. Разрушить, разломать, уничтожить, опоганить – вот перечень негативных действий. Нередко вандализм проявляет себя в беспощадном разрушении и уничтожении культурных и духовных ценностей общества [70, с. 65].

Зависть провоцирует уничтожение более успешного человека

Зависть провоцирует человека.

Как посчитал К. Муздыбаев, в коллективе сущность зависти проявляется, прежде всего, в унижении преуспевающего человека [71, с. 38–39]. Стремление к обладанию вождельным, но недостижимым превосходством, неизбежно сменяется желанием отобрать, лишиться,

нивелировать превосходство конкурента. Воля направлена не на самосовершенствование и созидание, а на «уничтожение» другого, поэтому проявления могут быть в форме клеветы и сплетен, беспочвенной критики. Часто практикуемым методом завистников является умалчивание или игнорирование достижений конкурента, как будто не существующих. Стремясь настроить членов коллектива против преуспевающих индивидов, некоторые завистники пытаются вызвать чувство недовольства, раздражения по отношению к добившимся успеха. Стимулирование завистниками межличностной неприязни и вражды нередко приводит к масштабному социальному отчуждению, к длительным и масштабным конфликтам в организациях, угрожая социальному порядку и продуктивной деятельности людей.

Зависть может сотрудничать с ревностью и жадностью

В некоторых случаях зависть соединяется с ревностью и жадностью. Н. Бондер полагал, что зависть включает в себя и жадность, и ревность. Это злоба, краеугольный камень всякого недовольства. Зависть – не что иное, как накопившаяся ненависть, которая порождена недовольством и не нашла выхода. В зависти предмет зависти не дает успокоения. Если скряга удовлетворен, получив желаемое, то это не удовлетворит завистника. Объект желания завистника – «другой», а он сам – пленник «другого». Завистник зависим от того, кому он завидует [72, с. 19–21].

Тщеславие и гордость, порождая зависть, обрекают человека на страдания и одиночество

Тщеславие и гордость, порождая зависть и ненависть к ближнему, обрекают самого кичливого тщеславца и гордеца на страдания и одиночество. Отчуждаясь в своей гордыне от других, тщеславец в такой же мере отчуждается и от самого себя.

Тщеславец – парциальная личность

Тщеславие и гордость не дают человеку развиваться позитивным образом. Тщеславный гордец отличается парциальностью, частичностью, неполнотой своей сущности. Мы вводим понятие «*парциальная личность*» для обозначения сущностной неполноты, незавершенности человека.

Обращаясь к истории психологии, следует указать на тот факт, что Карл Густав Юнг использовал понятие парциальности. Он специально анализировал парциальный тип человеческой души [73, с. 192], поскольку полагал, что парциальность души можно объяснить влиянием изначальных образов древнейших и всеобщих представлений человечества. Эти образы, согласно К. Юнгу, «в равной мере чувства, как и мысли», они имеют свою собственную самостоятельную жизнь. Реально вполне правомерно говорить о парциальном

Парциальная
личность – частична

типе души, но для нас более значимо использовать понятие «парциальности» в контексте его согласования с понятием «личность».

Парциальная личность – частичная личность. Ведь *целостная личность* – это некий теоретический (или мифологический) конструкт, точка теоретического, формального отсчета. Реально человек, как личность, всегда частичен в высотах своих *достижений* и в провалах своих *регрессий*. И здесь снова нельзя не обратиться к К. Юнгу, который совершенно правомочно утверждал: «Все человеческое – относительно, ведь все покоится на внутренней противоположности» [73, с. 202]. Человек амбивалентен, он всегда *раздираем внутренним борением* между добром и злом, нравственными нормами и аморализмом, благими порывами и темными помыслами. Человек всегда *раздираем внешними обстоятельствами*, которые не всякий раз предлагают ему те благоприятные условия, в которых он может свободно и легко проявить себя в соответствии со своими светлыми надеждами и помыслами. Кроме того, над каждым из нас довлеет то, возникшее в истории нашего этноса, знание, те мифы и образы, которые подспудно выстраивают наши личные опоры, наши ориентиры в образной сфере, в сфере нашего мышления и наших чувств.

Психоаналитики, в частности К. Юнг, в этом случае говорят о коллективном и личном бессознательном [173, с. 204]. В отношении передачи образов и идей из наследия опыта предков обычно говорят о мифологических образах или архетипах. К. Юнг писал о том, что «переживание архетипа охраняется часто как самая что ни на есть индивидуальная тайна, потому что человек чувствует себя при этом затронутым изнутри. Это некий вид пражереживания душевного Не-Я, какого-то внутреннего визави...» [73, с. 206].

Архетипические
переживания
обладают силой
социального
наследования

Реально архетипические переживания могут глубоко входить в сознательную и бессознательную сферу как отдельного человека, так и этноса в целом. К. Юнг с интересом ученого и просто просвещенного европейца анализировал архетипические корни древнего бога грозы и неистовства германцев – *Вотана*. К. Юнг показал, что, когда гитлеровское движение буквально подняло всю Германию, оно породило (точнее пробудило к новой жизни) образ нации – образ Вотана. Он писал: «Немецкие юноши, отмечавшие солнцестояние принесением в жертву баранов, были не первыми, кто услышал шорох в первобытном лесу бессознательного. Их предвосхитили Ницше, Шулер, Штефан Георге и Люд-

виг Клагес» [74, с. 215]. Чтобы быть лучше понятым, К. Юнг ввел в свой анализ психологии фашизма и состояния психологической ярости немцев архетипический образ Вотана. Тем самым он смог осветить драматический аспект «захваченного» и «захватчика». К. Юнг пытался показать, что в феномене современной темы времени «Германии особенно впечатляет то, что человек, который сам по себе явно “одержим”, заразил весь народ до такой степени, что все пришло в движение навстречу неминуемой гибели» [74, с. 200–201]. К. Юнг показал, что «Вотан для немцев – это данность перво-степенной важности, наиболее истинное выражение и непревзойденное олицетворение того фундаментального качества, которое особенно присуще немцам» [74, с. 221]. Немцы были одержимы неким божеством, их дом наполнился «могучим порывистым ветром». Вслед за приходом Адольфа Гитлера к власти в Германии вырвался на волю ураган. К. Юнг пытался осветить те угрозы душевной жизни, которые привели Германию к духовной катастрофе. Присутствие духа Вотана узнавалось по тем политическим неурядицам и духовным переворотам, которые были порождены всей историей в общем и конкретно тем временем.

Поведение расы черпается из фундаментальных образов

К. Юнг писал: «Поскольку поведение расы черпает свою специфику из присущих ей фундаментальных образов, мы можем говорить об *архетипе Вотана*. Как самостоятельный психологический фактор, Вотан воздействует на коллективную жизнь народа и тем самым выявляет свою собственную природу. <...> Архетип Вотана осознается не больше, чем скрытая эпилепсия. Могли ли взрослые немцы в 1914 году предвидеть, во что они превратятся ныне? Подобные поразительные превращения – результат воздействия бога ветра, который (как дух. – *Авторы*) “дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит” [Ин. 3:8]. Он увлекает все на своем пути и опрокидывает все, не имеющее прочных корней».

Личность должна противостоять злу

То, что произошло в Германии и с Германией, по мысли К. Юнга, есть вина коллективного феномена «и есть вина самой личности, поскольку нации состоят из личностей. Посему *личность должна задуматься, какими именно средствами следует противостоять злу*» [74, с. 232]. К. Юнг совершенно справедливо полагал, что в действительности *дух нации могут обновить только изменения в мировоззрении личности*. Все начинается с личности. Эти идеи К. Юнга до сих пор являются проблемными для человечества. Мы, люди, до сих

<p>Феномен коллективного нарциссизма</p>	<p>пор не ведаем, как отдельная личность может перевернуть самосознание нации; что следует изменить, перестроить в нас, чтобы мы в корне изменили в себе зависимость от тех странностей, которые мы пытаемся преодолеть на протяжении всей многовековой истории.</p> <p>Мы обратились к работе К. Юнга, посвященной психологии нацизма, увидев в ней <i>феномен коллективного нарциссизма</i>. В литературе нарциссизм обычно связывают с отдельной личностью, но реально нарциссизмом может болеть и отдельный род, племя, предэтнос и этнос.</p>
<p>От родового до национального нарциссизма</p>	<p>В исследованиях, проводимых В. С. Мухиной и под ее руководством в разных странах, расположенных на различных материках нашей планеты, всякий раз обнаруживаются одни и те же тенденции: явно проявляется <i>родовой, племенной, предэтнический, этнический и национальный нарциссизм</i>. Этот феномен требует специального рассмотрения.</p>
<p>Зависть замалчивает успехи другого</p>	<p>В то же время жгучая зависть к успешному в сфере науки, искусства, образования подчас <i>проявляется в замалчивании успехов коллеги по цеху</i>. Знаковый образ завистника подобен трем обезьянам Востока, которые жестами изображают значимый смысл – «не вижу, не слышу, молчу». Завистник, подобно этим обезьянам, замалчивает успехи того, кому он по-черному завидует.</p>
<p>Путь зависти человека внутри общества</p>	<p>Эта часть нашей работы посвящена обсуждению тщеславия и гордости, а также воплощению этих феноменов в индивидуально представленном нарциссизме.</p> <p>Тщеславие и гордость прорастают в поведенческих реакциях человека, проходят путь <i>от</i> бессознательных переживаний и поступков <i>до</i> осознаваемых чувств и аморального проявления в поведении, <i>от</i> прилогов и помыслов <i>до</i> поступков, уничтожающих человека как личность. Эти порой тонкие, едва уловимые нюансы движения психики человека и четко осознаваемые злые эмоции, которые тщательно скрываются тщеславцами и гордецами, прорастают от прилогов до помыслов и поступков. С самого начала, на уровне прилогов и помыслов, человек может впасть в зависимость от своих страстей. Однако такие тяжелые страсти, как тщеславие и гордость, безусловно отчуждают человека не только от других, но и от самого себя.</p>
<p>Тщеславие и гордость – вариант аддиктивного поведения</p>	<p><i>Тщеславие и гордость мы рассматриваем как вариант аддиктивного поведения</i>. Зависимость от страсти тщеславия и страсти гордости неизбежно приводит человека к личностной дезорганизации, к деструктивному поведению и к деструктивизации его нравственных ценностных ориентаций. По существу, тщеславие</p>

и гордость кардинально изменяют позитивный личностный потенциал человека.

Тщеславец и гордец – всегда частичная, парциальная личность.

Тщеславие и гордость являются пороком культуры и каждого отдельного человека

Тщеславец и гордец проявляют себя в зависти и ненависти к ближнему. *Тщеславие и гордость разъедают душу, являясь пороком культуры и пороком каждого отдельного человека.*

1. *Св. Иоанн Кассиан Римлянин.* Обозрение духовной брани // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1998.

2. *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Отечник. VI. – М., 1993.

3. *Св. Иоанн Кассиан.* Борьба с восьмью главными страстями // Добротолюбие. Т.2. – М., 1998.

4. *Пр. Нил Синайский.* Аскетические наставления // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1998.

5. *Св. Ефрем Сириан.* Подвижнические наставления // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1998.

6. *Св. Иоанн Лествичник.* О борьбе с восемью главными страстями // Добротолюбие. Т. 2. – М., 1998.

7. *Платон.* Письма: Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – М., 1984.

8. *Феофан Затворник.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? – Минск, 2005.

9. *Бэкон Ф.* О тщеславии / Опыты или наставления нравственные и политические: Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1972.

10. *Мухина В. С.* Проблемы генезиса личности. – М., 1985; *Мухина В. С.* Феноменология развития и бытия личности. – М.; Воронеж, 1999; *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и дополн. – М., 2010.

11. *Бальзак О.* Шагреневая кожа.

12. *Мороз Алексей (Священник).* Исповедаю грех, батюшка. – 9-е изд., испр. и доп. – М.; СПб., 2008.

13. *Павлык Николай (Иеромонах).* Грех и добродетель по учению святителя Тихона Задонского. – М., 2004.

14. *Кант И.* Заключительный раздел (этического) учения о началах: Собр. соч. в 8 т. Т. 6. – М., 1994.

15. *Авдеев Д. А.* Размышления православного врача. – 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М., 2008.

16. *Ellis H.* The conception of narcissism // The psychoanalytic review. – 1927. – Vol. 14.

17. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред. М. Г. Ярошевский. – М., 1989; *Фрейд З.* О нарцизме / Очерки по психологии сексуальности. – М., Петроград: Психологическая и Психоналитическая библиотека. – Вып. VIII. – Б.Г.И.

18. *Лакан Ж.* Семинары. Книга I: Работы Фрейда и по технике психоанализа / 1953 (54): Пер. с фр. – М., 1998.

19. *Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. – М., 2000; *Кохут Г.* Восстановление самости. – М., 2002.

20. *Миллон Т.* Расстройства личности // Психологическая энциклопедия. – 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб., 2003.

21. *Banai E., Mikulincer M., Shaver P. R.* “Selfobject” Needs in Kohut’s Self Psychology // *Psychoanalytic Psychology*. – 2005. – Vol. 22. – № 2.

22. *Davies J. E.* Considering “Self-Ful” Desire // *Psychoanalytic Psychology*. – 2009. – Vol. 26. – № 3.

23. *Wallace H. M., Baumeister R. F.* The Performance of Narcissists Rises and Falls With Perceived Opportunity for Glory // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 82. – № 5.

24. *McGregor I., Nail P. R., Marigold D. C., Kang S.-J.* Defensive Pride and Consensus: Strength in Imaginary Numbers // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Vol. 89. – № 6.

25. *Pincus A. L., Ansell E. B., Pimentel C. A., Cain N. M., Wright A. G. C., Levy K. N.* Initial Construction and Validation of the Pathological Narcissism Inventory // *Psychological Assessment*. – 2009. – Vol. 21. – № 3.

26. *Raskin R., Novacek J., Hogan R.* Narcissistic Self-Esteem Management // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 60. – № 6.

27. *Campbell W. K., Foster C. A., Finkel E. J.* Does Self-Love Lead to Love for Others? A Story of Narcissistic Game Playing // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 83. – № 2.

28. *Dimaggio G., Semerari A., Falcone M., Nicolo G., Carcione A., Procacci M.* Metacognition, States of Mind, Cognitive Biases, and Interpersonal Cycles: Proposal for an Integrated Narcissism Model // *Journal of Psychotherapy Integration*. – 2002, Vol. 12. – № 4.

29. *Exline J. J., Baumeister R. F., Bushman B. J., Campbell W. K., Finkel E. J.* Too Proud to Let Go: Narcissistic Entitlement as a Barrier to Forgiveness // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2004. – Vol. 87. – № 6.

30. Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности: Психология нарциссических расстройств личности: Пер. с англ. – М., 2007.
31. Аспер К. Психология нарциссической личности. Внутренний ребенок и самооценка: Пер. с англ. – М., 2008.
32. Холмс Д. Нарциссизм: Пер. с англ. – М., 2002.
33. Bushman B. J., Baumeister R. F. Threatened Egotism, Narcissism, Self-Esteem, and Direct and Displaced Aggression: Does Self-Love or Self-Hate Lead to Violence? // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 75. – № 1.
34. Pistole M. C. Adult Attachment Style and Narcissistic Vulnerability // *Psychoanalytic Psychology*. – 1995. – Vol. 12. – № 1.
35. Laing R. D. *The Divided Self. An Existential Sanity and Madness*. – London etc., 1990.
36. Менегетти А. Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии: Пер. с итал. – М., 2009.
37. Burstein K. R. The Narcissian Fire // *Canadian Psychology*. – 1990. – Vol. 31. – № 2.
38. Петрученко О. Латинско-русский словарь: Репринт IX-го издания 1914 г. – М., 1994.
39. Lasch C. *The culture of narcissism. American life in an age of diminishing expectations*. – N.-Y., 1978.
40. Dimaggio G., Semerari A., Falcone M., Nicolo G., Carcione A., Procacci M. Metacognition, States of Mind, Cognitive Biases, and Interpersonal Cycles: Proposal for an Integrated Narcissism Model // *Journal of Psychotherapy Integration*. – 2002, Vol. 12. – № 4.
41. Lowen A. *Narcissism. Denial of the True Self*. – N.-Y.: Macmillan; London, 1983.
42. Hibbard S. Narcissism, Shame, Masochism, and Object Relations: An Exploratory Correlational Study // *Psychoanalytic Psychology*. – 1992. – Vol. 9. – № 4.
43. Wink P. Two Faces of Narcissism // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 61. – № 4.
44. Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П. Психология нарциссизма: Учебное пособие. – М., 2001.
45. Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. – М., 2007.
46. Бреслав Г. М. Психология эмоций. – 3-е изд., стер. – М., 2007.
47. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М., 1978.

48. *Бондырева С. К., Колесов Д. В.* Суверенитет, субъективность, свобода. – М., 2007.
49. *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей: Пер. с англ. – М., 2004.
50. *Кант И.* Религия в пределах только разума. Собр. соч.: в 8 т. Т.6. – М., 1994.
51. *Кант И.* Метафизика нравов. Собр. соч.: в 8 т. Т.6. – М., 1994.
52. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и дополн. – М., 2010; *Мухина В. С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения. – 2-е изд. – Сергиев Посад, 2010.
53. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. Соч. Т. 5. – М., 1953.
54. *Бэкон Ф.* О зависти / Опыты или наставления нравственные и политические. Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1972.
55. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. – Л., 1990.
56. *Ницше Ф.* Веселая наука / Избр. произведения. – М., 1993.
57. *Ницше Ф.* Странник и его тень. – М., 1994.
58. *Адлер А.* Понять природу человека. – СПб., 1997.
59. *Орлов Ю. М.* Стыд. Зависть. – М., 2005.
60. *Грот Н. Я.* Значение чувства в познании и деятельности человека. – М., 1889.
61. *Вагин И. О.* Психология зла. Практика решения конфликтов. – СПб., 2001.
62. *Шек Г.* Зависть: теория социального поведения: Пер. с англ. – М., 2008.
63. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников: Пер. с англ. – СПб., 1997.
64. *Matt S. J.* Keeping up with the Joneses: Envy in American Consumer Society, 1890–1930. – Philadelphia, 2003.
65. *Кончаловский А.* Низкие истины. – М., 1998.
66. *Farber L. H.* Lying, Despair, Jealousy, Envy, Sex, Suicide, Drugs, and the Good Life. – N.-Y., 1976.
67. *Архангельская Л. С.* Зависть: психологические истоки. – М., 2008.
68. *Бондырева С. К., Колесов Д. В.* Суверенитет, субъективность, свобода. – М., 2007.
69. *Шек Г.* Зависть: теория социального поведения: Пер. с англ. – М., 2008.

70. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и дополн. – М., 2010.

71. *Муздыбаев К.* Завистливость личности // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6.

72. *Бондер Н.* Каббала зависти. Трансформация ненависти, гнева и других негативных эмоций: Пер. с англ. – М., 2006.

73. *Юнг К. Г.* Структуры психики и архетипы: Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 2009.

74. *Юнг К. Г.* Психология нацизма // Карл Густав Юнг о современных мифах: Пер. с нем. – М., 1994.
